

Цинский регионализм на пограничье Центральной Азии во второй половине XVIII в.: влияние джунгарского наследия*

Д. Г. Кукеев

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова,
Российская Федерация, 358000, Республика Калмыкия, Элиста, ул. Пушкина, 11

Для цитирования: Кукеев Д. Г. Цинский регионализм на пограничье Центральной Азии во второй половине XVIII в.: влияние джунгарского наследия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 541–557.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.310>

Статья входит в число исследований, посвященных различным областям пограничья Центральной Азии. Эта тема актуальна в связи с изменениями геополитической обстановки в Евразии. Рассматриваются причины и процессы формирования некоторых особенностей цинского регионализма в пограничных регионах империи во второй половине XVIII в. Для Цинской империи овладение территориями, которые в китайских исторических материалах именовались как Си юй (Западный край), имело огромное политическое значение, а приобретенные владения, граничащие со Средней Азией, были преобразованы в административно-территориальную единицу империи, которая стала именоваться Синьцзян (Новая граница). Подчеркивается важность изучения особенностей управления пограничными регионами Цин в Центральной Азии, где активно применялись различные подходы в пограничных отношениях, перенятые от кочевников. Так, раскрываются отличительные черты цинского регионализма, проявившиеся при управлении этой территорией: военная оккупация, учреждение новой административной структуры и издание письменных памятников на языках империи Цин. Применяя более гибкий подход, чем их китайские предшественники, маньчжурские элиты разработали институты и политику управления границами, отличные от тех, которые существовали в предыдущих династиях, и тем самым осуществили гораздо более амбициозную программу верховной власти Цин.

Ключевые слова: империя Цин, Джунгарское ханство, Алтышар, письменные памятники, Центральная Азия, кочевники.

Введение

Территория Центральной Азии¹ в китайских источниках именовалась Западным краем (*Сиюй* 西域) и нередко манила в разные эпохи представителей многих

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова в рамках научного проекта № 1148 «Регионализм империи Цин в Центральной Азии: язык и власть».

¹ В Центральную Азию в данном случае мы включаем географический регион от Памира до Хингана, от Прибайкалья до Гималаев. Однако с учетом влияния джунгарского фактора ареал цинского регионализма на его западном (а не северном и юго-западном) пограничье в этом обширном историко-культурном регионе сужается и не затрагивает территорий Восточной Монголии и Тибетского нагорья.

этнополитических образований, включая те, которые сформировались в Дальневосточном регионе. На этой территории поразительным образом приспособлялись друг к другу и к окружающей среде представители совершенно различных в хозяйственно-культурном отношении этнических групп, формируя и разные проявления имперского регионализма. Не стала исключением и маньчжурская империя Цин², которая, завоевав территорию Китая, устремила свои взоры на запад — на Джунгарию и оазисы Алтышара³.

Движимая политическими интересами маньчжурская по происхождению империя Цин пыталась навсегда закрепить за собой регион Сиюя, что было осуществлено в середине XVIII в., став одной из «десяти полных военных побед» (十全武功) императора Цяньлуна (1736–1795)⁴ [1, р. 369; 2, р. 93; 3, с. 64]. Причины цинской экспансии на запад, по-видимому, кроются в опасении маньчжуров в возникновении ойрато-тибетской политической конструкции, способной бросить вызов Цин [4, р. 290]. Цинская территориальная экспансия в регионе сопровождалась военной оккупацией, учреждением новой административной структуры, а интересным проявлением цинского регионализма на этих приграничных территориях стала публикация памятников на языках империи Цин. Ликвидировав «последнюю кочевую империю» — Джунгарское ханство, цинские власти приступили к освоению и заселению обезлюдившего пограничного региона Джунгарии и, казалось, стали обустривать только что завоеванные территории с «чистого листа». Так начался процесс формирования региональной формы социально-культурной и политической идентификации новой территории в составе Цин.

Цель публикации — изучение явлений, связанных с приграничными регионами империи Цин в Центральной Азии, которые нашли отражение в письменных источниках империи Цин и работах современной зарубежной историографии, посредством комплексного подхода. Упор делается на то, что маньчжурское происхождение цинской власти непосредственно повлияло на полиэтничную сущность Цинской империи, которая более всего фокусировалась на пограничных районах, где проживали не-китайские этнические группы. В этой связи постановка задачи заключается в комплексном анализе особенностей пограничных областей, унаследованных империей Цин от ойратов. Решив эту задачу, мы покажем особенности регионализма в пограничной политике империи Цин по отношению к центрально-азиатским этнополитическим образованиям.

Военное вторжение

Весной 1755 г. император Цяньлун воспользовался разногласиями между джунгарами и приступил к мобилизации вооруженных сил против них. Для

² Цин — не просто дальневосточная империя с конфуцианской моделью управления ханьского большинства, как это было при Мин (1368–1644), а многонациональная империя, созданная маньчжурами и получившая свое название вне Китая. Династия Цин активно прибегала к различным способам легитимации своей власти в отношении разных народов, порой противоречащим китайской мироустроительной модели [5, с. 10].

³ Местность к югу от Тянь-Шаня именуется также Кашгария, Малая Бухария и Восточный Туркестан. В статье мы используем название Алтышар.

⁴ Цяньлун (乾隆) — девиз правления (*нянь хао*), личное имя императора — Хун Ли (弘曆) [6, с. 736].

империи Цин военная кампания против Джунгарского ханства была важным и знаменательным событием, по протяженности коммуникаций превысив общеизвестный поход Наполеона в Россию [7, р. 230]. Цинские войска вторглись в Джунгарию и пленили джунгарского правителя Давачи. Затем они выступили против Амурсаны (1722–1757), который стремился возглавить всех джунгаров вместо плененного Давачи. Цинский император Цяньлун планировал изменить конфигурацию управления у джунгаров и разделил их на четыре части в соответствии с племенной принадлежностью: дербетов, хошутов, хойтов и цоросов (термин *джунгар* был выведен из употребления). Амурсана не согласился с тем, чтобы быть правителем лишь хойтов, и был провозглашен своими сторонниками правителем всей Джунгарии в 1756 г., возглавив вооруженную борьбу против Цин [8, с. 294; 9, р. 70–71; 10, р. 275]. Восстание потерпело поражение от цинских войск, сторонники Амурсаны были разгромлены, почти все ойратские племена Джунгарии подверглись физическому уничтожению, а территория Джунгарии была присоединена к империи Цин.

В 1757 г. цинские войска приступили к поимке Ходжи Джихана и его брата Бурхан-ад-Дина, которые оказывали сопротивление цинскому «умиротворению». Преодолев оазисы Алтышара, цинские карательные войска пересекли Памир и вышли к верховьям Амударьи. Ходжа Джихан и его сподвижники бежали в Бадахшан, где, к их неудаче, правитель Султан Шах схватил их и казнил, представив головы беглецов цинской имперской армии, которая отправилась обратно в Пекин как победители. Так было также завершено покорение Алтышара [11, с. 97], который до этого входил в состав Джунгарского ханства.

Власть джунгаров над Алтышаром полностью пресеклась, а цинское покорение Джунгарии, которая была постоянной проблемой со времен императора Канси (1662–1722), было завершено, и жители Алтышара теперь вынуждены были смириться с властью цинского императора. Началась новая страница всеобщей истории, когда кочевой мир оказался окончательно повержен оседло-земледельческими державами. Центрально-Азиатский регион, утративший свой независимый статус, начал превращаться в приграничные районы Цинской и Российской империй: восточная часть Средней Азии к востоку от Памирских гор была включена в империю Цин, а ее западная часть — к Российской империи.

Процесс инкорпорации алтышарцев в империю Цин составляет одну из особенностей цинского регионализма. Для цинских властей мусульмане Алтышара представлялись частью большого монгольского мира, так как Цины впервые столкнулись с ними, воспринимая как подданных джунгарских правителей. До уничтожения Джунгарского ханства имели место случаи взаимной аккультурации ойратов Джунгарии и оседлых мусульман Алтышара. Пример такого взаимовлияния — так называемые калмыцкие арыки, которые создавались алтышарскими переселенцами с середины XVII в. на степных просторах Джунгарии для улучшения ирригационной системы. В XVIII в. стали фиксироваться случаи занятия земледелием среди джунгаров, хотя количество земледельцев среди них было намного меньше, чем у алтышарцев [8, с. 238]. Впоследствии это наследие перешло к казахам: «Наиболее ярким доказательством (наличия у джунгаров земледелия. — Д. К.) является созданная джунгарами ирригационная сеть, которую использовали казахи, переселившиеся в Семиречье после разгрома Джунгарского ханства и массового

истребления джунгар... в 1758 году. Впоследствии казахи значительно расширили эту сеть... называли ее калмыцкими арыками» [12, с. 71].

От джунгаров алтышарцы переняли предметы ойратского кочевого быта и стали изготавливать *дебискеры* (длинные тюфяки или матрацы из шелка, или ковры) и *дурбельджины* (подстилки квадратной формы) [13, с. 26]. Знать алтышарцев времен Джунгарского ханства отлично изъяснялась на ойратском языке, который родственен монгольскому. Монгольский язык же являлся одним из государственных языков империи Цин, и поэтому инкорпорация Алтышара в империю с сопутствующими нормами дипломатического взаимодействия и перепиской шла на первых порах в ее джунгарской версии и не вызывала трудностей взаимопонимания между немусульманской империей Цин и жителями Алтышара. Яркий пример — случай с правителем Турфана Эмин-ходжой, когда на него пыталась выйти цинская администрация при посредничестве правителя Комула Убайдуллаха. Эмин-ходжа в 1720-х годах перешел на сторону Цин против джунгаров в борьбе за Турфан и попросил убежища в северной части Китая, в Ганьсу. Он общался с цинскими чиновниками на ойратском языке, и наоборот, указы императора Эмин-ходже переводились на монгольский язык до вручения адресату. Не только монгольский язык, но и монгольский ритуал облегчили отношения Эмин-ходжи с Цинами. Когда он вернулся в Турфан в 1756 г., оазис был разделен между ним и Мангаликом, местным протеже джунгаров, который также выразил покорность наступающей цинской армии. Согласно отчету об этих переговорах, сделка была заключена, когда двое мужчин взялись за руки, фиксируя «принятие присяги по-монгольски» (маньчж. *Monggo gashūn i adali*) [14, р. 242–243]. Такие сцены повторялись неоднократно, когда Цины, все более втягиваемые в пограничную политику, налаживали новые связи с представителями мусульманских аристократических семей Алтышара, которые ранее служили джунгарам. Некоторые из них были богатыми купцами, как Азизбек, который помогал в подчинении Илийской долины. Другие — беками-чиновниками, которые назначались джунгарами в качестве местных градоначальников, как, например, Ходжаси-бек (霍集斯) в Уч-Турфане, который схватил отступающего джунгарского правителя Давачи и сдал его цинским войскам. В изученных Д. Брофи маньчжурских отчетах, подробно описывающих первый контакт цинской армии с Ходжаси, прямо говорится о выборе эмиссара, который мог говорить по-монгольски [14, р. 243].

Алтышарцы вносили огромный вклад и занимали важную нишу в торгово-экономических отношениях ойратского государства. Группа людей, специализировавшихся на торговых операциях от имени джунгарских властей, за пределами ханства именовалась *бедергэ*⁵. По сведениям русских источников, от имени джунгарского правителя они торговали в 40-е гг. XVIII в. с турецким султаном. На продажу отправлялся товар в виде «каборгиной струи, рысей, ирбизей» [16, с. 129]. Не

⁵ В ойратских и маньчжурских источниках именуется как *Бедергэ*. Считается, что изначально они именовались *bāzargān*, что отмечено в персоязычном «Tadhkira-Ikhwājān» [15, с. 109].

говоря о том, что *бедергэ* являлись главами так называемых даннических миссий⁶ в Китай и возглавляли караваны *манча*⁷ в Тибет.

Однако при цинской администрации деятельность *бедергэ* стала сворачиваться. Нельзя исключать, что в постджунгарское время со стороны цинских властей в Алтышаре возникли опасения касательно развитой межрегиональной сети *бедергэ* в сфере экономики, в результате чего были установлены *каруны* на маршрутах в Западном Алтышаре, что препятствовало движению алтышарцев в Среднюю Азию на западе и в Ладакх и Кашмир — на юге. *Бедергэ* ничего не оставалось, как сократить свою коммерческую деятельность. Прибыль от караванной торговли напрямую зависела от политической власти, установленной в городах-оазисах Алтышара [18, p. 57].

Говоря о военной роли алтышарцев в Джунгарии, нельзя не упомянуть о том, что они пополняли специальные роты *буучин*. По мнению С. Тору, джунгарские *буучин* не были этническими ойратами, а являлись либо этническими тюрками из оазисов Алтышара, либо *бурутами* 布魯特, т. е. киргизами. Японский исследователь обнаружил, что одним из мест расположений *буучин* являлось верховье реки Иртыш, где они обязаны были предотвращать возможные набеги казахов, по приказу выступать в военный поход, а также выплачивать налог дичью [19, с. 223].

Заметной чертой цинского регионализма в Центральной Азии в постджунгарское время является заимствованная от джунгаров система пограничного контроля *харул* с цепью гарнизонов (*шивээ*). Особый интерес вызывает возникновение таких гарнизонов в кочевых или полукочевых этнополитических образованиях. Вероятно, в числе первых такую практику стали применять кидани в XI в. на территории Или [20, с. 153] и Монголии [21, с. 188–199]. Спустя пять веков после киданей, ойратские источники отмечают, что ойраты в 60-х годах XVII в. активно используют систему пограничной стражи в Джунгарии, где фортификационные оседлые сооружения именуется ими *шивээ*, а вся система — *харул*. Джунгарские *шивээ* оказали прямое влияние на цинские *каруны* (кит. *калунь* 卡倫) на северо-западных рубежах империи Цин ввиду своего раннего появления. Происхождение ойратской караульной системы до конца не выяснено. Имеется несколько предположений, что этот опыт был частично перенят от южносибирских вассалов и соседей [22, с. 393] или от увиденных ойратами построек русских острогов в Сибири, либо джунгары как и кидани в свое время могли сами прийти к изобретению системы с применением оседлых пунктов. Джунгарские *харулы* пополнялись воина-

---

⁶ Часто иностранные купцы, заинтересованные в дипломатических привилегиях, фиксировались в китайских материалах как послы с «данью». Следуя этой доктрине, цинские чиновники постоянно описывали торговлю с джунгарамикак «дань» (*зун* 貢). Под формулировку «даннические миссии» в Китае попадали и торговые караваны из России. Торговое соглашение Цин с Россией стабилизировало пограничные вопросы и создало регулярную караванную торговлю под маской «даннических миссий».

⁷ *Манча*, или *танжа* (кит. *аоча* 熬茶), — дословно с тибетского языка переводится как «заваривать чай», но на деле означало паломничество к крупным тибетским монастырям и совершение пожертвований тибетским ламам, сопровождавшиеся торговлей по пути следования из Джунгарии через Синин в Тибет. В цинских архивах термин используется для обозначения паломничества джунгаров в Тибет в XVIII в. [17, p. 134]. Практика *манча* с исчезновением Джунгарского ханства практически пресеклась.

ми из *отога захчин*⁸, который, как и всякий *отог*, являлся скорее административно-хозяйственной единицей Джунгарского ханства [23, с. 274], нежели «единицей территориального деления» [24, с. 60], поскольку *захчин* мы обнаруживаем на границах ханства и они не привязаны к одной местности. Также важно отметить, что *захчины* общей численностью в две тысячи семей, управлялись тремя зайсангами, и к ним были приписаны *буучины*⁹, состоящие из одной тысячи семей под управлением трех зайсангов¹⁰. В *шивээ* было огнестрельное оружие, что подтверждается русскоязычным материалом о *шивээ* в Алтае [26, с. 6]. Как часто сменялся персонал *шивээ* в *харулах*, неизвестно, но набирался, видимо, из числа тех, кто кочевал с семьями на пограничных территориях. Возможно, *шивээ* были схожи с *гэр харуул* (семейными караулами) в цинской Халхе [27, с. 33].

В. А. Моисеев, ссылаясь на данные русских источников, полагал, что отряды пограничной службы Джунгарии подразделялись на два вида: главные и малые отъезжие караулы [28, с. 74]. В первых, по мнению И. В. Ерофеевой насчитывалось от 500 до 5000 человек, в то время как в последних — не более 100–300 человек, они были временными постами [29, с. 34].

В первой половине XVIII в. на границах с казахами джунгары разместили не менее 19 караулов-*шивээ*. Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков, со ссылкой на сообщения томских воевод И. Шеховского и М. Радилова к тобольскому воеводе М. Годунову, пишут о том, что ойраты «Тойла и Курагала и Мергет-тайши» осенью 1621 г. уже прибыли на Обь и сделали городок» [30, с. 539]. Таким образом, вероятно обнаруженные И. В. Ерофеевой в Казахстане следы оседлых «камалов» — это остатки ойратских сооружений, которые соотносятся с *шивээ* и фиксируются с XVII в., когда русские власти строили такого же рода остроги в Сибири.

Сагучи Тору считает, что цинский карун — это охранный пост на границе. Так, по его мнению, имелись три разновидности карунов: постоянный (permanent), перемещающийся (shifting) и временный (temporary) [31, р. 965]. Специалист по цинским карунам из КНР Баин-Цокту также отмечает, что для маньчжурского каруна характерны три разновидности: 常设卡伦, 移设卡伦 и 添撒卡伦 [32, с. 13]. Кроме того, отмечается, что в цинских карунах после покорения Джунгарии имелись *кайци* 开齐, т. е. дорога, которая объединяла два каруна, а ответвление от малого каруна, у которого был хороший обзор, именовалось *букэиэнь* 布克申. Все вместе они назывались *карун*. Происхождение слова *букэиэнь* 布克申, вероятно, от маньчжурского *buksin* — «тайник, укромное место» (a hiding place), «засада» (ambuscade). Китайское *калунь* — это маньчжурское *карун* (пограничная стража, наблюдательный пункт на границе) и, как предполагает С. Тору, происходит от

⁸ В 29-м цзюане географического справочника «Циньдин Хуан-юй Сией Тучжи» (欽定皇輿西域圖誌, «Августейшим правителем утвержденное географическое описание Западного края с картами») в небольшом разделе «Старая джунгарская система управления» (準噶爾部舊管制) при описании *захчин* отмечается следующее: 紮哈沁系防守邊界坐卡倫巡查訪察一切事務 («Чжа-ха-цин [Захчин], охраняя границы, расквартированы в *харуле*, [и проводят] все мероприятия, связанные с патрулированием и расследованиями») [25, с. 414].

⁹ Географический справочник «Циньдин Хуан-юй Сией Тучжи» характеризует *баочин* следующим образом: 包沁. 專司炮者 («Буучин — те, кто специально ведает пушками») [25, с. 415].

¹⁰ «Циньдин Хуан-юй Сией Тучжи» объединяет *захчин* и *буучин*: 紮哈沁三宰桑人二千戶; 包沁三宰桑人一千戶為一鄂托克 («У *захчин* три зайсанга [и] людей 2 тысячи дворов; у *буучин* (оружейников) — три зайсанга [и] людей одна тысяча дворов, что составляет один *отог*») [25, с. 416].

ойратского *qaraul*, *qaraghun* или тюркского *qaraul*. *Кайци*, возможно, от маньчжурского *kaici* — «граница» (*frontier*). Каждый карун находился друг от друга на расстоянии либо нескольких ли, либо одной сотни ли, и в нем размещалось от 10 до 30 солдат. Ежемесячно туда направлялись военные из числа солонов, сибо, чахар или элютов долины Или [31, р. 966].

Тайваньский историк Ло Юньчи со ссылкой на «Циншигао» (清史稿, «Черновик истории Цин») отмечает, что маньчжурский карун появляется в начале становления Цин (1644) на северо-востоке Китая, однако как система была полностью реализована в 1727 г. [33, с. 188]. По мнению исследователя из КНР Баин-Цокту, в империи Цин система карунов сформировалась при императоре Канси (1662–1722)¹¹ около 1677 г., однако более широкое распространение получила в правление императора Юнчжэна (1723–1735)¹² в 1727 г. [34, с. 75–78]. Таким образом, ойраты стали применять систему пограничных гарнизонов на своих границах раньше маньчжуров и именовали их *харул*, при них были оседлые гарнизоны *шивээ*.

Пример сходства пограничной оборонительной системы Цин и Джунгарского ханства говорит о заимствовании цинскими властями джунгарской практики на примере *харул-карунов*. Цинская власть в Синьцзяне при этом внесла новшества в функции *карунов*. Если во времена существования Джунгарского ханства цели джунгарских *шивээ* ограничивались военно-полицейскими функциями, то цинские *каруны* брали на себя задачи контроля товаров, вмешиваясь в торгово-экономическую сферу. В компетенцию цинских *карунов* Алтышара входил, например, досмотр товаров и купцов, вовлеченных в караванную торговлю [35, р. 260].

Кроме того, цинские власти перенимали джунгарский приграничный опыт в Центральной Азии. Специально для контактов с Джунгарией был создан Военный совет 軍機處 (Цзюньцзичу) при императоре Юнчжэне (1733). Цинские власти, учредив наместничество Синьцзян, подтверждали ойратский титул *ахалачи* у глав субэтнических подразделений киргизов и казахов, подобно тому как это практиковалось во времена Джунгарского ханства [36, р. 351–372]. Так, у джунгаров имелся чиновник, обязанный заниматься встречей киргизских и бадахшанских послов, а при Цин этим же занималась маньчжурская власть в Синьцзяне, но с обязательным подтверждением титула *ахалачи* уже цинским императором, а не джунгарским правителем. Цины переняли джунгарский опыт в отношениях между имперскими властями и правящей элитой Алтышара, продолжая использовать принятую при джунгарах денежную систему и аналогичные печати с применением трех языков: маньчжурского, ойратского и тюркского в арабской графике (без китайского) [37; 38, р. 195]. Цинские власти с успехом переняли введенные джунгарами нормы отношений с Бадахшаном, причем пост сановника по связям с бадахшанцами, но уже как представителя Цинской империи обязательно закрепляли за этническим ойратом или тюрком Алтышара, аккуратно избегая назначения маньчжура, монгола или китайца [39]. Ойратский являлся языком межрегионального общения в Центрально-Азиатском регионе. Он распространялся на более обширный ареал, выходящий за оазисы Алтышара, и использовался далеко на юго-востоке и западе. В наследство от Хошутского ханства многие тибетские аристократы получили сво-

¹¹ Канси 康熙 — девиз правления (*нянь хао*), личное имя императора — Сюань Е 玄燁 [6, с. 504].

¹² Юнчжэн 雍正 — девиз правления (*нянь хао*), личное имя императора — Инь Чжэнь 胤禛 [6, с. 870].

бодное владение тибетским и ойратским языками в течение XVII–XVIII вв. Например, Доринг Тендзин Палджор (rdo ring bstan 'dzin dpal 'byor, 1760–?) при встрече с императором Цяньлуном в Пекине в 1792 г. общался с ним на ойратском языке¹³ [40]. Во второй половине XVIII в. Цин вели официальную переписку с казахами на ойратском языке [41].

Формирование новой административной структуры

Инкорпорация опустевших кочевий некогда могущественного Джунгарского ханства и территорий вассальных ему оазисов Алтышара в империю Цин дало рождение новой административно-территориальной единицы, которая стала называться *Синьцзян*. Синьцзян располагался вдоль северной и южной степных зон. К северу от Тянь-Шаня джунгарская степь играет роль ворот, соединяющих монгольское плато с переходящими низменностями на западе. Алтайские горы связывают ее на севере и северо-востоке, а естественный коридор приводит на востоке к пустыне Гоби, которая расположена на юге Монголии. В центре Джунгарии находится пустыня, но на своем севере и юге плотным кольцом она окружена пастбищами. Оазис Урумчи (теперь административный центр Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, а тогда городское поселение с различными названиями) всегда располагался на южной оконечности Джунгарской равнины и на северном концевом участке Тянь-Шаня. Северная ветвь древнего Шелкового пути идет отсюда на восток через Комул (Хами) и Цзюцюань в провинцию Ганьсу и на запад через долину Или к Кульдже (совр. Инин). Горные системы Тарбагатая и Джунгарского Алатау уходят на восток и запад, оставляя открытым проход в казахскую степь. Кочевые империи различных эпох всегда пытались занять Джунгарскую равнину из-за ее больших пастбищных угодий и производительных городов-оазисов. Джунгары, которые дали равнине ее название, были последними кочевниками [10, р. 32–33].

Для управления территориями, населенных этническими китайцами, цинские правители использовали традиционную систему органов власти, существовавшую при предыдущих китайских династиях, с относительно единообразным административно-территориальным устройством. Но поскольку империя Цин состояла из территорий, где также проживали не китайские этнические группы (Монголия, Тибет, Синьцзян), то управление ими строилось по-разному. Эти пограничные регионы оставались этнически и культурно различными и административно отделенными от остальной части Китая чуть ли не до конца правления династии.

При Цинах Синьцзян был разделен на три района под общим руководством военного губернатора (Илийский *цзянцзюнь* 伊犁將軍), базирующемся в северной части Синьцзяна, в Нин-юане 寧願 (Джунгария, долина Или), и представителей военного командования в крупных городских центрах на востоке и юге этой административной единицы. Армия, расквартированная в Синьцзяне, была довольно пестрой в этническом отношении и состояла из восточномонгольских и перемещенных с востока империи маньчжурских войск, куда входили чахары, солоны, дауры, сибо, солдаты так называемого Зеленого знамени (т. е. китайцы)

¹³ Цяньлун был редким интеллигентом-полиглотом: кроме маньчжурского и китайского, он владел тибетским и монгольским языками [6, с. 738].

из близлежащих провинций Нинся и Ганьсу, китайские мусульмане-дунгане и многочисленные выжившие ойраты [42, р. 28]. Предполагалось, что эти воинские подразделения будут на самообеспечении, будучи вовлеченными в работу военных поселений [43, р. 353].

Гражданская администрация включала различные территориальные подразделения. В Восточном Синьцзяне, куда относились Урумчи, Турфан и Комул, некоторые районы превратили в уезды и округа под контролем администрации провинции Ганьсу, но таких единиц было немного. Кочевники были организованы по образцу «знамен», именуемых *джасак*¹⁴. Вся региональная власть принадлежала *дутуну* 都統, базирующемуся в Урумчи. Алтышар, или Южный Синьцзян, включал шесть округов [44, с. 113], а цинскую власть здесь представляли несколько чиновников-резидентов (*цаньцзань-дачэнь* 參贊大臣 и подчиненные им так называемые *баньши-дачэнь* 辦事大臣 и *себань-дачэнь* 協辦大臣) и военачальник (*линтуй-дачэнь* 領隊大臣), в то время как фактическая гражданская администрация состояла из местных мусульманских чиновников, известных как *беки*. На первых порах задачи Лифаньюаня и Цзюньцзичу («Военного совета», состоявшего из высшей маньчжурской аристократии) по Синьцзяну пересекались, но вскоре Лифаньюань стал единым компетентным органом на территории Синьцзяна [46, р. 304]. Вся цинская администрация была передана под юрисдикцию Лифаньюаня в сотрудничестве с другими министерствами, а действующая в Южном Синьцзяне система *беков* фактически стала результатом включения ранее существовавшей тюрко-мусульманской административной структуры в рамки Лифаньюаня [47, с. 20–22]. Эти сановники назначались императорским указом через сложную систему выдвижения и подтверждения, которой управлял Лифаньюань. Они носили официальные цинские одежды и имперские знаки отличия, сохраняя при этом свои алтышарские и мусульманские титулы. Лифаньюань оставался чрезвычайно важным органом управления цинской власти в Синьцзяне во многих сферах государственной деятельности: от проведения земельных обследований и переписи для фискальных целей до точного учета, выбора кандидатов на политические посты и управления международными отношениями с граничащими государствами и независимыми кочевыми группами — русскими, кокандцами, киргизами и казахами.

Тем не менее цинская система непрямого правления предоставляла значительную автономию местным элитам, особенно в судебных вопросах, когда местные судьи (кади) в судопроизводстве использовали мусульманские законы [43, р. 353]. Синьцзян, не обладая географическим единообразием в северной и южной частях, в цинскую эпоху демонстрирует наличие еще более разнообразного конгломерата различных культур и народов. По всей видимости, цинская власть в своих попытках интегрировать местную алтышарскую систему *беков* в цинскую иерархию рангов опиралась на ту форму в империи, которая применялась по отношению к монголам и маньчжурам. Для более эффективного управления два таких разных района, как Джунгария и Алтышар, были объединены в одну административную единицу.

---

¹⁴ Цинские власти в 1755 г. видели политическое устройство джунгар как формирование «восьми ойратских знамен» [45, с. 233], но восстание Амурсаны и последующая резня джунгар не способствовали реализации этого плана.

Письменные памятники на языках империи Цин

Составлению и публикации письменных памятников о западных регионах империи Цин предшествовала проводимая цинскими властями «литературная инквизиция»¹⁵, которая распространялась и на все, что содержало информацию о джунгарах. Уничтожая ойратские источники о Джунгарском ханстве, имперские власти осуществляли дальнейшее заполнение информационной пустоты официальными цинскими материалами, которые являлись результатом работы специально созданных для этой цели компилятивных комиссий.

Наиболее наглядными и первыми в череде памятников при инкорпорации Сиюя стали каменные стелы, среди которых можно выделить «Пиндин Чжуньгаэр хоулэмин Или чжибэй» (平定準噶爾後勒銘伊犁之碑), «Пиндин Чжуньгаэр хоулэмин гэдэн чжибэй» (平定準噶爾後勒銘格登之碑), «Пиндин Чжуньгаэр гаочэн тайсюэбэй» (平定準噶爾太學碑), «Пиндин хуэйбу гаочэн тайсюэбэй» (平定回部告成太學碑). На первых двух — тексты на ойратском, маньчжурском, тибетском и китайском языках, в которых прославлялась победа императора Цяньлуна над джунгарами. Первая стела установлена в 1755 г. в северной части храма Пу Нин Сы 普宁寺 в комплексе императорских летних дворцов (Бишу Шаньчжуан 避暑山庄) в Чэндэ 承德市, а вторая — на территории Или [50], через которую прошла маньчжурская армия (на юго-западе современного уезда Монгол-кура 昭苏县).

Однако мы рассмотрим четыре важных коллективных труда цинских историографов. Именно тот вариант написания имен собственных на пяти языках империи (маньчжурском, китайском, монгольском, тибетском, тюркӣ), который отражен в этих источниках, будет образцом для всех последующих историко-географических трудов. Весомой и массивной оказалась публикация «Циньдин Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» (欽定平定準噶爾方略, «Высочайше утвержденное [описание] методов и тактики усмирения джунгар», кратко — «Фанлюэ»), над которым осуществлял редакторское руководство маньчжурский генерал Фу Хэн 傅恒, возглавлявший завоевательные походы не только в Джунгарию, но и в Юго-Восточную Азию. Император Цяньлун дал распоряжение по составлению этого труда в 1755 г., работа над ним была закончена в 1770 г. Это самая крупная история военной кампании (172 главы), составленная цинскими властями. В комиссию по ее написанию входили 86 человек, в том числе командующие цинскими войсками Баньди 班第, Жао Хуэй 兆惠, Я-эр-ха-шань 雅尔哈善. Источник написанна китайском, маньчжурском (*Jungar-I ba-be necihiyeme toktobuha bodogon-i bithe*) и монгольском (*Jünger-i töbsid kegsen bodolga-yin bicig*) языках.

Другим источником на китайском, монгольском и маньчжурском языках является «Циньдин вайфань мэngu хуэйбу вангун бяочжуань» (欽定外翻蒙古回部王公表传, «Таблицы и биографии инородческих, монгольских и алтышарских князей, составленные по высочайшему предписанию»), вкратце именуемый по-монгольски «Илэтхэл шастир». Его китаеязычный вариант состоял из 60 бэней (本, книга), 120 цзюаней 卷 и издавался с 1779 по 1795 г. на основе материалов, представленных в цинский двор местными чиновниками, а основную работу по составлению этого сочинения осуществляла дворцовая историческая комиссия Гошигуань 國史館

¹⁵ «Литературная инквизиция», начавшись после установления династии Цин в XVII в., достигла апогея в XVIII в. См.: [48, с. 530; 49, с. 15].

(«Палата государственной истории») при содействии придворных чиновников, ведавших внешними связями. Ее главный составитель Ци Юньши 祁韻士 использовал маньчжурские, китайские и монгольские архивные и частные документы, что способствовало сохранению в этой компиляции множества информации, которая могла быть утеряна. Монгольская версия содержит больше деталей о монголах, чем маньчжурские или китайские тексты: каждый язык имел собственную цель и был обращен к конкретной аудитории. Этот труд стал важнейшим источником для более поздних летописей монголов, показывая, что бюрократический цинский взгляд одержал победу в историко-литературном сражении над монголами, с тем чтобы в дальнейшем была написана история с цинским дискурсом. Так, монгольская хроника XIX в. «Эрдэнийн-эрихэ», долгое время расцениваемая как ценный первичный документ относительно интегрированного в Цинскую империю монгольского взгляда на историю, в действительности скопировала большую часть текста из вышеописанных цинских «Фанлюэ» и «Илэтхэл шаштир».

Небезынтересно сочинение «Циньдин Хуан-юй Сиюй тучжи» (欽定皇禦西域圖誌, «Августейшим правителем утвержденное географическое описание Западного края с картами») в 52 главах, где даются различные сведения и описываются события, затрагивающие Сиюй, в котором проживают этнические группы ойратов, жителей Алтышара, казахов, киргизов (бурутов) и т. д. Источник снабжен генеалогическими таблицами и картами с указанием гор, рек, военных поселений и станций, а также разнообразной информацией, в которой отражаются обычаи, законы, сведениями о денежной системе, музыкальных предпочтений и пр. Еще ранее, при императоре Гаоцзуне (650–683, династия Тан), был составлен «Сиюй тучжи» в ознаменование умиротворения Китайского Туркестана, однако он был утерян.

Работа над цинским «Сиюй тучжи» началась в 1756 г. и ознаменовалась двумя версиями: первое издание было окончено в 1762 г., а расширенная версия — в 1782 г. Источник интересен составом комиссии из 36 человек, куда входили такие цинские боевые ветераны, как Агуй, Шухэдэ и Жао Хуэй, принимавшие непосредственное участие в интервенции в Джунгарию, а впоследствии занимавшие высокие посты цинских чиновников в Синьцзяне. Возглавлял комиссию уже упомянутый Фу Хэн.

Особо следует выделить «Сиюй тунвэньчжи», работа над которым приходится на первые годы после ликвидации Джунгарского государства, что говорит нам о том, что этот источник увидел свет одновременно с вышеупомянутыми «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» и «Сиюй тучжи», в которых проводился обзор исторических событий и процесса инкорпорации земель джунгаров и алтышарцев в состав империи Цин. Связано это с тем, что работа по составлению и изданию «Сиюй тунвэньчжи» потребовала огромных усилий, поскольку цинские составители не были настолько хорошо знакомы с языками местных обитателей, но стремились к тому, чтобы в их сочинении был устранен риск ошибки и путаницы в переведенных на маньчжурский и китайский язык материалах [51, р. 24]. Поэтому у цинских составителей возникла необходимость в глоссарии, который смог бы унифицировать различное написание одних и тех же наименований исторических персонажей, гор и рек.

Каждая статья начинается с написания на маньчжурском языке, а затем идет передача китайскими иероглифами. Далее на китайском языке следует пояснение, которое описывает очередность этой личности в генеалогическом древе (если речь

идет об исторической личности) или содержит исторические сведения (в случае географической местности). Затем следует написание на монгольском, тибетском, ойратском и тюрки. Передача информации на маньчжурском и китайском языках в качестве стандартных вариантов использовалась в «Пиндин Чжуньгаэр фанлюэ» и «Хуан-юй Сиюй тучжи», что в дальнейшем закрепится как в официальных, так и в частных материалах.

Следует отметить, что вышеупомянутые источники во многом не следовали обычным формам традиционного историко-географического описания предыдущей китайской династии Мин, когда местные географические справочники (*тунчжи 統誌*) объединялись во всеобъемлющий труд, описывающий все государство (*итунчжи 一統誌*). Поскольку дела Сиюя являлись исключительно сферой имперской политики, где доминировали цинские знаменщики, то эта важная особенность распространялась в том числе на географическое и историческое описания, что выражалось в составе комиссий (с преобладанием военных), формировавших определенный дискурс для определенной аудитории.

Заключение

Джунгарское ханство с вассальными оазисами Алтышара сменилось регионом Синьцзян в составе Цинской империи. Цинская администрация нередко использовала джунгарские прецеденты в построении имперского регионализма в Центральной Азии. Исчезновение джунгарского населения и изменение этнического состава региона дали рождение новой форме административного управления и территориального деления и стали причиной появления письменных памятников на различных языках империи, сгруппировавших обширные сведения по топографическим и личным рубрикам таким образом, чтобы быть понятными всем, кто может читать по-китайски.

Литература

1. Eminent Chinese of the Ch'ing Period / ed. by A. Hummel. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1943–1944. 604 p.
2. Waley-Cohen J. The Culture of War in China. Empire and the Military under the Qing Dynasty. London; New York: I. B. Taurus Publishers, 2006. 160 p.
3. 莊吉發. 清高宗十全武功研究. 臺北: 國立故宮博物院, 1982. 644 頁. [Чжуан Цзифа. Исследование о десяти полных военных успехах цинского Гаоцзуна (император Цяньлун). Тайбэй: Голи гугунбо-юань, 1982. 644 с.]. (На кит. яз.)
4. Di Cosmo N. Qing Colonial Administration in Inner Asia // The International History Review. 1998. Vol. 20, no. 2. P. 287–309.
5. Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). 2014. № 1. С. 5–17.
6. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4 / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. 935 с.
7. The Cambridge History of China. Vol. 9, pt. 1: The Ch'ing Empire to 1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 713 p.
8. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с
9. Miyawaki J. The Birth of Oyrat Khanship // Central Asiatic Journal. 1997. Vol. 41, no. 1. P. 38–75.
10. Perdue P. C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p.

11. Ходжаев А. Х. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. (из истории международных отношений в Центральной Азии). Ташкент: Фан, 1991. 129 с.
12. Батраков В. С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем // Труды Среднеазиатского университета. Экономические науки. Вып. 126, кн. 3. Ташкент: Изд. САГУ, 1958. С. 74–109.
13. Кузнецов, В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. 1970. Вып. 13. С. 21–28.
14. Brophy D. The Junghar Mongol Legacy and the Language of Loyalty in Qing Xinjiang // Harvard Journal of Asiatic Studies. 2013. Vol. 73, no. 2. P. 231–258.
15. 李保文. “伯德格”考释 // 西域研究. 2009. 第4期. 109–113 页 [Ли Баовэнь. Исследование о «бердэге» // Исследования о Западном крае. 2009. № 4. С. 109–113]. (На кит. яз.)
16. Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 359 с.
17. Petech L. China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: E. J. Brill, 1950. 309 p.
18. Onuma T. Political Powers and Caravan Merchants at the Oasis Towns in Central Asia: The Case of Altishahr in the 17th and 18th Centuries // Xinjiang in the Context of Central Eurasian Transformations / ed. by Onuma Takahiro, D. Brophy, Shinmen Yasushi. Tokyo: Toyo Bunko, 2018. P. 33–57.
19. 佐口透. 新疆民族史研究. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1994. 403 页. [Цзо Коутсу. Исследования по истории национальностей Синьцзяна. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1994. 403 с.]. (На кит. яз.)
20. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
21. Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 2018. 367 с.
22. Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М.: Вост. лит-ра, 2019. 502 с.
23. Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 360 с.
24. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII веке. М.: Наука, 1990. 135 с.
25. 西域图志效注. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 611 页 [Комментарии к Географическому справочнику Западного края с картами. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2002. 611 с.]. (На кит. яз.)
26. Соенов В. И., Трифанова С. В. Полевые каменные фортификационные сооружения Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 104 с.
27. Попов А. В. Цинское законодательство XVIII — первой половины XIX в. об административном режиме халхаского участка русско-монгольской границы // Mongolica. 2015. Т. 15. С. 27–38.
28. Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 67–82.
29. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения / отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 271 с.
30. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: филол. ф-т СПбГУ, 2008. 776 с.
31. Toru S. Kazakh pastoralists on the Tarbaghatai Frontier under the Ch'ing // Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies. Taipei: National Chengchi university, 1985. P. 953–996.
32. 宝音朝克图. 清代北部边疆卡伦研究. 北京: 中国人民大学出版社, 2005. 300 页 [Баоинь Чаокэту. Исследование калуней пограничных территорий на севере при династии Цин. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2005. 300 с.]. (На кит. яз.)
33. 羅運治. 清代新疆卡倫探討 // 中國歷史學會史學季刊. 1986. № 18. 187–218 页 [Ло Юньчжи. Исследование карунов Синьцзяна при династии Цин // Ежеквартальный вестник Китайского исторического общества. 1986. № 18. С. 187–218]. (На кит. яз.)

34. 宝音朝克图. 宝音朝克图. 清代蒙古地区卡伦设置时间考- 以漠北地区为中心 // 明清史. 2007. 第4期. 75–78 页 [Баоинь Чаоке́ту. Анализ учреждения [системы] калуней на монгольских территориях при династии Цин — в центре исследования [район к северу от пустыни] Гоби // История [династий] Мин и Цин. 2007. № 4. С. 75–78]. (На кит. яз.)
35. *Kim Jaumin*. Asymmetry and Elastic Sovereignty in the Qing Tributary World: Criminals and Refugees in Three Borderlands, 1630s — 1840s. PhD dis. University of Michigan, 2018.
36. *Di Cosmo N.* Kirghiz nomads on the Qing frontier. Tribute, trade or gift exchange? // Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese History / ed. by N. Di Cosmo, D. J. Wyatt. London; New York: Routledge Curzon, 2003. P. 351–372.
37. *Millward J.* Uighur Muslims in Qianlong's court: the meaning of the fragrant concubine // Journal of Asian studies. 1994. No. 1. P. 427–451.
38. *Onuma T.* A set of Chaghatay and Manchu Documents Drafted by a Kashgar Hakim Beg in 1801: A Basic Study of a “Chaghatay-Turkic Administrative Document” // Studies on Xinjiang Historical Sources in 17th–20th Centuries. Vol. XI / ed. by J. A. Millward, Shinmen Yasushi, Sugawara Jun. Tokyo: Toyo Bunko, 2010. P. 185–217.
39. 馬子木. 乾隆朝初通巴達克山-兼論準噶爾遺產與清朝中亞外交之初建 // 中央研究院歷史語言研究所集刊. 2017. 第2 (88). 347–395 页 [Ма Цзыму. Отношения между империей Цин и Бадакшаном в период правления [императора] Цяньлуна и формирование цинской дипломатии по отношению к Центральной Азии // Бюллетень Института истории и филологии Академии Синика. 2017. № 2 (88). С. 347–395]. (На кит. яз.)
40. *Sperling E.* Awe and Submission: A Tibetan Aristocrat at the Court of Qianlong // The International History Review. 1998. Vol. XX, no. 2. P. 325–335.
41. *Noda J., Onuma T.* A Collection of documents from the Kazakh Sultans to the Qing dynasty. Tokyo: University of Tokyo, 2010. 176 p.
42. *Waley-Cohen J.* Exile in Mid-Qing China: Banishment to Xinjiang (1758–1820). New Haven: Yale University Press, 1991. 267 p.
43. The Cambridge history of Inner Asia: the Chinggisid age / ed. by N. Di Cosmo, A. J. Frank, P. B. Golden. New York: Cambridge University Press, 2009. 448 p.
44. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 6: Династия Цин (1644–1911) / под ред. Л. С. Тихвинского. М.: Вост. лит-ра, 2014. 886 с.
45. 小沼孝博. 清朝统一准噶尔及其管辖制度的设计 // 中国边疆民族研究. 北京: 中央民族大学出版社. 2018. 11期. 第210–234 页 [Сяочжао Сяобо. Цинское объединение Джунгарии и проект по системе управления [этой территорией] // Исследования приграничных национальностей Китая. Вып. 11. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 2018. С. 210–234]. (На кит. яз.)
46. *Song Tong.* On Lifanyuan and Qianlong Policies towards the Muslims of Xinjiang // Managing Frontiers in Qing China. The Lifanyuan and Libu Revisited / ed. by D. Schorkowitz, Chia Ning. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 290–311.
47. *Ходжаев А. Х.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.). М.: Наука, 1979. 128 с.
48. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / под ред. Шан Юэ. М.: Вост. лит-ра, 1959. 579 с.
49. *Цзи Юнь.* Заметки из хижины «Великое в малом» (Юэвэй цаотан бици) / пер. с кит., предисл., коммент. и прил. О. Л. Фишман. М.: Наука, 1974. 588 с.
50. *Krueger J.* The Ch'ien-lung Inscriptions of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian // Central Asiatic Journal. 1974. No. 11. P. 214–226.
51. *Enoki K.* Researches in Chinese Turkestan during the Ch'ien-lung Period, with special reference to the Hsi-yu-t'ung-wen-chih // Memoirs of the research Department of Toyo Bunko. 1955. Vol. XIV. P. 1–44.

Статья поступила в редакцию 13 декабря 2021 г.,
рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Контактная информация:

Кукеев Дорджи Геннадьевич — канд. ист. наук; kukeevd@list.ru

Qing Regionalism at Central Asian Borderlands in the Second Half of 18th Century: The Influence of Zunghar Legacy*

D. G. Kukeev

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
11, ul. Pushkina, Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation

For citation: Kukeev D. G. Qing Regionalism at Central Asian Borderlands in the Second Half of 18th Century: The Influence of Zunghar Legacy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 3, pp. 541–557.

<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.310> (In Russian)

This publication is a part of an extensive field of the research, devoted to various areas of the borderlands, and it is actualized by the increasing scale of the study about these areas due to changes in the geopolitical situation in Eurasia. The article is devoted to the reasons and the process of the formation of some features of Qing regionalism in the western borderlands of the empire in the second half of the 18th century. The acquirement of the new lands, named the term Xiyu (西域, Western Territory) in Chinese historical materials, was of a great political importance, and the acquired domains bordering on Central Asia were transformed into an administrative-territorial unit of the empire, which became known as Xinjiang (新疆, New Frontier). The author emphasizes the importance of studying the features of the management of the Qing borderlands in Inner Asia, where various approaches to borderland relations were actively used, and were not adopted from the “Confucian” civilization, but adopted from nomads. There reveals the distinctive features that lay in the Qing regionalism in the management of this outlying territory, which was characterized by the implementation of such measures as: the military occupation, the establishment of a new administrative structure and the publication of written monuments in the languages of the Qing empire. Adopting a more flexible approach due to their non-Chinese origins, the Manchu elites developed institutions and frontier management policies, which were different from those of previous dynasties.

Keywords: Qing Empire, Zunghar Khanate, Altysnar, written monuments, Central Asia, Nomad.

References

1. *Eminent Chinese of the Ch'ing Period*. Ed. by A. Hummel. Washington, D. C., U.S. Government Printing Office, 1943–1944. 604 p.
2. Waley-Cohen J. *The Culture of War in China. Empire and the Military under the Qing Dynasty*. London; New York, I. B. Taurus Publishers, 2006. 160 p.
3. Zhuang Jifa. *An Investigation into the Ten Great Victories of the Qianlong emperor*. Taipei, Guoli gu gong bowu yuan Publ., 1982. 644 p. (In Chinese)
4. Di Cosmo N. Qing Colonial Administration in Inner Asia. *The International History Review*, 1998, vol. 20, no. 2, pp. 287–309.
5. Dmitriyev S.V., Kuzmin S.L. Qing Empire as China: the anatomy of a historical myth. *Vostok (Oriens)*, 2014, no. 3, pp. 5–17. (In Russian)
6. *Spiritual culture of China: Encyclopedia*: in 5 vols. Vol. 4. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2009. (In Russian)

---

* The research was funded by the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov in the framework of the scientific project no. 1148 “Regionalism of the Qing Empire in Central Asia: language and power”.

7. *The Cambridge History of China. Vol. 9, pt. 1: The Ch'ing Empire to 1800.* Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 713 p.
8. Zlatkin I. Ya. *The History of Zunghar Khanate, 1635–1758.* 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1983. 332 p. (In Russian)
9. Miyawaki J. The Birth of Oyrad Khanship. *Central Asiatic Journal*, 1997, vol. 41, no. 1, pp. 38–75.
10. Perdue P. C. *China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia.* Cambridge, MA; London, Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p.
11. Hodzhaev A. H. *Qing Empire and Eastern Turkestan in the 18th century (From the History of International Relations in Central Asia).* Tashkent, Fan Publ., 1991. 129 p. (In Russian)
12. Batrakov V. S. Economic ties of nomadic peoples with Russia, Central Asia and China. *Trudy Sred-neaziatskogo universiteta. Ekonomicheskoye nauki.* Issue 126, book 3. Tashkent, SAGU Publ., 1958, pp. 74–109. (In Russian)
13. Kuznetsov, V. S. On the question of the domination of the Dzungar Khanate over East Turkestan. *Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk BF SO AN SSSR*, 1970, iss. 13, pp. 21–28. (In Russian)
14. Brophy D. The Junghar Mongol Legacy and the Language of Loyalty in Qing Xinjiang. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 2013, vol. 73, no. 2, pp. 231–258.
15. Li Baowen. Study of Bederge. *Xiyuyanjiu.* 2009, no. 4, pp. 109–113. (In Chinese)
16. *Russian-Zunghar relations (end of the 17th — 60s of the 18th centuries). Documents and extracts.* Barnaul, Azbuka Publ., 2006. 359 p. (In Russian)
17. Petech L. *China and Tibet in the Early Eighteenth Century: History of the Establishment of Chinese Protectorate in Tibet.* Leiden, E. J. Brill, 1950. 309 p.
18. Onuma T. Political Powers and Caravan Merchants at the Oasis Towns in Central Asia: The Case of Altishahr in the 17th and 18th Centuries. *Xinjiang in the Context of Central Eyrasian Transformations.* Ed. by Onuma Takahiro, David Brophy, Shinmen Yasushi. Tokyo, Toyo Bunko, 2018, pp. 33–57.
19. Zuo Koutou (Toru Saguchi). *Studies in the history of the nationalities of Xinjiang.* Urumqi, Xinjiang renminchu banshe Publ., 1994. 403 p. (In Chinese)
20. Viktorova L. L. *Mongols. The origin of the people and the origins of culture.* Moscow, Nauka Publ., 1980. 224 p. (In Russian)
21. *The Towns of the Medieval Empires of the Far East.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2018. 367 p. (In Russian)
22. *Nomadic Empires of Eurasia: Features of Historical Dynamics.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2019. 502 p. (In Russian)
23. Kychanov Ye. I. *History of ancient and medieval states bordering on China (from Huns to Manchus).* 2nd ed. St Petersburg, Peterburgskoye lingvisticheskoye obshchestvo Publ., 2010. 360 p. (In Russian)
24. Chernyshev A. I. *Social and state development of the Oirats in the 18th century.* Moscow, Nauka Publ., 1990. 135 p. (In Russian)
25. *Commentary on the Geographical Gazetteer of the Western Regions with Maps.* Urumchi, Xinjiang renminchu banshe Publ., 2002. 611 p. (In Chinese)
26. Soyenov V. I., Trifanova S. V. *Altai field stone fortifications.* Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State University Publ., 2010. 104 p. (In Russian)
27. Popov A. V. The administrative regime of the Russian-North Mongolian border in the terms of Qing law (18th — 19th century). *Mongolica*, 2015, vol. 15, pp. 27–38. (In Russian)
28. Moiseyev V. A. On military affairs and wars of the Zunghar Khanate. *Iz istorii mezhdunarodnykh otnosheniy v Tsentral'noy Azii (sredniye veka i novoye vremya).* Alma-Ata, Gilim Publ., 1990, pp. 67–82. (In Russian)
29. *Anyrakay Triangle: Historical and Geographical Area and Chronicle of the Great Battle.* Almaty, Dayk-Press Publ., 2008. 271 p. (In Russian)
30. Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Armament and tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Medieval and Early Modern Ages (15th — first half of the 18th century A. D.* Philology Faculty, St Petersburg State University, 2008. 776 p. (In Russian)
31. Toru S. Kazakh pastoralists on the Tarbaghatai Frontier under the Ch'ing. *Proceedings of the International Conference on China Border Area Studies.* Taipei, National Chengchi University, 1985, pp. 953–996.

32. Baoyin Chaoketu. *Exploration of Karun border areas in thenorth during the Qing dynasty*. Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe Publ., 2005. 300 p. (In Chinese)
33. Luo Yunzhi. Study of the Karuns of Xinjiang during the Qing Dynasty. *Zhongguo Lishi Xuehui Shixue Kan*, 1986, no. 18, pp. 187–218. (In Chinese)
34. Baoyin Chaoketu. Analysis of the establishment [system] of karuns in Mongolian territories during the Qing dynasty — in the center of the study [area north of the] Gobi desert. *Ming-Qing shi*, 2007, no. 4, pp. 75–78. (In Chinese)
35. Kim Jaymin. *Asymmetry and Elastic Sovereignty in the Qing Tributary World: Criminals and Refugees in Three Borderlands, 1630s–1840s*. PhD dis. University of Michigan, 2018.
36. Di Cosmo N. Kirghiz nomads on the Qing frontier. Tribute, trade or gift exchange? *Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese History*. Ed. by N. Di Cosmo, D. J. Wyatt. London; New York, Routledge Curzon, 2003, pp. 351–372.
37. Millward J. Uighur Muslims in Qianlong's court: the meaning of the fragrant concubine. *Journal of Asian studies*, 1994, no. 1, pp. 427–451.
38. Onuma T. A set of Chaghatay and Manchu Documents Drafted by a Kashgar Hakim Beg in 1801: A Basic Study of a “Chaghatay-Turkic Administrative Document”. Vol. XI. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17th–20th Centuries*. Ed. by J. A. Millward, Shinmen Yasushi, Sugawara Jun. Tokyo, Toyo Bunko, 2010, pp. 185–217.
39. Ma Zimu. Qing's Contact with Badakhshan during the Qianlong Reign and the Establishment of Qing's Diplomacy towards Central Asia. *Zhongyang yanjiu yuan lishi yu yan yanjusuo jikan*, 2017, no. 2 (88), pp. 347–395. (In Chinese)
40. Sperling E. Awe and Submission: A Tibetan Aristocrat at the Court of Qianlong. *The International History Review*, 1998, vol. XX, no. 2, pp. 325–335.
41. Noda J., Onuma T. *A Collection of documents from the Kazakh Sultans to the Qing dynasty*. Tokyo, University of Tokyo, 2010. 176 p.
42. Waley-Cohen J. *Exile in Mid-Qing China: Banishment to Xinjiang (1758–1820)*. New Haven, Yale University Press, 1991. 267 p.
43. *The Cambridge history of Inner Asia: the Chinggisid age*. Ed. by N. Di Cosmo, A. J. Frank, P. B. Golden. New York, Cambridge University Press, 2009. 448 p.
44. *History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st century: in 10 vols. Vol. 6: Qingdynasty*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2014. 886 p. (In Russian)
45. Onuma Takahiro. Qing Incorporation of Zungharia and the Project on the Managing System. *Zhongguo bianjiang minzu yanjiu*. Issue 11. Beijing, Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2018, pp. 210–234. (In Chinese)
46. Song Tong. On Lifanyuan and Qianlong Policies towards the Muslims of Xinjiang. *Managing Frontiers in Qing China. The Lifanyuan and Libu Revisited*. Ed. by D. Schorkowitz, Chia Ning. Leiden; Boston, Brill, 2017, pp. 290–311.
47. Hozhayev A. H. *Qing Empire, Zungharia and Eastern Turkestan: (Colonial Policy of Qing China in the Second Half of the 19th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 128 p. (In Russian)
48. *Essays on the History of China from Antiquity to the “Opium” Wars*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1959. 579 p. (In Russian)
49. Ji Yun. *Notes from the hut “Great in small” (Yuewei cao tanbiji)*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 588 p. (In Russian)
50. Krueger J. The Ch'ien-lung Inscriptions of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian. *Central Asiatic Journal*, 1974, no. 11, pp. 214–226.
51. Enoki K. Researches in Chinese Turkestan during the Ch'ien-lung Period, with special reference to the Hsi-yu-t'ung-wen-chih. *Memoirs of the research Department of Toyo Bunko*, 1955, vol. XIV, pp. 1–44.

Received: December 13, 2021

Accepted: June 8, 2022

Author's information:

Dorji G. Kukeev — PhD in History; kukeevd@list.ru